

ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА В ОЛОНЕЦКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В XIX в.

Преподавание местных языков в российских духовных семинариях до настоящего времени остается малоизученной страницей в истории России XIX – начала XX в. Современные ученые отдают предпочтение рассмотрению вопросов обучения семинаристов древним и новым языкам. Данная статья основана на сохранившихся в архивах отчетах преподавателей карельского языка, а также опубликованных отчетах ревизоров о посещении Олонецкой духовной семинарии. Представленные материалы не только дополняют уже известные факты, но и раскрывают проблемы, связанные с организацией обучения, созданием учебной литературы, деятельностью педагогов по преподаванию олонечским семинаристам карельского языка.

Ключевые слова: духовная семинария, карельский язык, учитель, воспитанники духовных семинарий.

Преподавание местных языков по реформе духовного образования 1808–1814 гг. было организовано во многих российских духовных семинариях. Как отмечает исследователь истории российских духовных семинарий А. В. Сушко, преподавание языков, на которых говорили «инородцы», было включено в программу духовных семинарий, для того чтобы по окончании семинарского курса священствующие могли вести пастырскую службу на языке тех народов, которые в численном отношении преобладали над русскими или составляли значительную часть в данной местности [Сушко 2010: 35]. Так, в начале XIX в. в Вологодской духовной семинарии преподавали зырянский язык, в Псковской и Рижской – эстонский и латышский, в Петербургской – финский и эстонский, в Оренбургской – чувашский и др.

Учебный курс по преподаванию местных языков в начале XIX в. основывался на письменных и устных упражнениях. Воспитанникам давались понятия об изучаемом языке, о буквах, о словах, родах, о частях речи, о степенях и т. д. На уроках и дома ученики занимались переводами с русского на изучаемый язык и обратно разных текстов по указанию преподавателя,

а также устно упражнялись в разговорном употреблении. Семинаристов обучали проводить устные беседы с местным населением в иногородских приходах. Как правило, семинаристы высшего и среднего отделений владели навыками разговорной и письменной речи, употребляли местные языки в написании сочинений проповеднического содержания, могли выражать свои мысли о простых житейских предметах [РГИА 6: 15–20].

Исторический очерк по организации преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии в XIX в. был впервые представлен М. В. Пулькиным [Пулькин 2000, 2003]. Важно отметить, что интерес к этой теме проявляли также М. А. Витухновская, В. В. Ефимова, А. М. Пашков, И. А. Чернякова и Т. А. Санакина [Пашков 1994; Чернякова 2003; Витухновская 2006; Санакина 2008; Ефимова 2017].

Открытие класса карельского языка в Олонецкой духовной семинарии произошло в год ее создания, в 1829 г. Детали организации обучения были представлены в докладе Святейшему Синоду Олонецкого преосвященного Игнатия (Семенова) в мае 1829 г. В нем он выразил свой взгляд на введение преподавания карельского языка в Олонецкой семинарии: «Не столько для разговора, сколько для навыка не умеющим по-русски жителям здешней епархии, коих очень много, изъяснять истины до верь». Интерес для исследователя представляет мнение Игнатия (Семенова) на проблему дальнейшего развития карельского языка. Он, в частности, отметил, что «хотя язык карельский не имеет книжного бытия, но по многим отношениям весьма удобен и должен быть по некоторому времени выведен из употребления... духовным необходимо знать язык карельский с тем, чтобы со временем никто из прихожан не знал его» [РГИА 2: боб.–7]. Важно отметить, что в этом вопросе с Игнатием (Семеновым) были солидарны и представители гражданского ведомства [Ефимова 2017: 154–157].

Первым преподавателем карельского языка в Олонецкой семинарии стал Василий Васильевич Ильинский, сын дьячка одного карельского прихода. Он обучался в Петрозаводском духовном училище, затем в Новгородской (1827–1828) и Олонецкой (1829–1831) семинариях. Еще будучи студентом высшего класса Олонецкой семинарии, в 1830 г. он был определен на должность лектора карельского языка и получал жалованье 100 руб. в год.

В. В. Ильинским была составлена инструкция (программа) по изучению карельского языка, одобренная преосвященным Игнатием (Семеновым). В ней подробно излагались основы организации и методики работы с учащимися. Курс карельского языка не входил в разряд обязательных предметов, поэтому его изучение основывалось на добровольной основе. Уроки обычно посещались теми учениками, которые хорошо

знали язык и свободно на нем говорили «по происхождению и навыку». Для лучшего усвоения и постоянного общения между собой предусматривалось совместное проживание воспитанников, знающих карельский язык, в одной комнате или квартире. В программу учебного курса входило знакомство учеников с грамматическими формами языка, по аналогии с учебными пособиями по русскому языку. Учащиеся также изучали различные «наречия в уездах Олонецкой епархии, употребляемые, как то собственно карельский, чудский и финский» [Пулькин 2003: 91].

Для заинтересованности семинаристов в изучении карельского языка архиепископ Игнатий (Семенов) в ноябре 1836 г. ходатайствовал перед Святейшим Синодом об увеличении денежного пособия для выпускников семинарии, определяемых в раскольнические приходы Повенецкого уезда. По мнению преосвященного, священники этих приходов испытывали трудности общения с местными жителями при исполнении своих пастырских обязанностей. Преосвященный предложил выпускникам Олонецкой духовной семинарии, изучавших карельский язык, давать на первое обзаведение по 200 руб. из остатков экономической семинарской суммы. Эта сумма в 2 раза превышала предыдущую одновременную сумму (100 руб.), определенную Синодом в 1813 г. выпускникам российских семинарий в качестве «подъемных» средств. Предложение Олонецкого архиепископа было направлено в Комиссию духовных училищ, которая в мае 1837 г. объявила, что «не может изъявить на оное свое согласие», так как «остаточные училищные суммы... предназначены Уставом для удовлетворения училищных нужд в чрезвычайных случаях», например, на ремонт училищных зданий или приобретение учебной литературы для семинарской библиотеки [РГИА 4: 7об.–8].

Следует отметить, что интерес к изучению карельского языка в это время проявлялся и в Архангельской епархии. Святейший Синод для утверждения православия и ослабления раскола в Архангельской епархии в марте 1837 г. предписал епископу Архангельскому и Холмогорскому Георгию (Яшуржинскому) в Шуезерском, Пангозерском и Вокнаволоцком приходах Кемского уезда, где «более живет карелов и где не все священники знают карельское наречие», произвести замену священнослужителей на «благонадежных и знающих карельский наречие кандидатов из воспитанников семинарии или из служащих уже священников Олонецкой епархии» [РГИА 1: 1–1об.].

По поручению архангельского епископа в августе 1837 г. правление Архангельской духовной семинарии направило в Санкт-Петербургскую духовную академию прошение о разрешении на отправку в Олонецкую

семинарию «из числа оканчивающих учение в низших отделениях семинарии трех благонадежных учеников хорошей нравственности и с отличными успехами» для изучения карельского языка за счет экономических сумм (из бюджета семинарии). Комиссия духовных училищ в сентябре 1837 г. с данным вопросом согласилась и предложила избрать 17-летних семинаристов, желающих поехать в Петрозаводск [Там же: 8]. Прибыли ли в Олонецкую епархию архангельские семинаристы – неизвестно. Архивных документов по этому эпизоду не выявлено.

Какие же проблемы имелись в деле организации обучения карельскому языку воспитанников Олонецкой духовной семинарии? Одной из главных являлось отсутствие необходимых учебных пособий. В начале XIX в. церковь активно занималась переводами священных книг на национальные языки народов, проживающих в Российской империи, в том числе и на карельский язык. Так, в 1804 г. вышел в свет «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» в виде двух небольших брошюр с параллельными текстами на карельском и церковно-славянском языках. Однако данное издание, по отзыву учителей карельского языка Олонецкой семинарии, не могло быть полезным для учащихся, потому что было переведено на карельский язык для карелов, «населявших небольшую часть Тверской губернии, по языку своему различна от наречий карелов Олонецкой губернии, как то по грамматическим формам, так нередко и в самих словах» [РГИА 6: 20].

В 1820 г. в Министерство народного просвещения и духовных дел от митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Михаила (Десницкого) был прислан образец перевода Евангелия на карельский язык Олонецкой епархии, составленный учениками богословия Новгородской семинарии В. Сердцовым и Д. Деplorанским. Но и этот перевод был понятен карелам нескольких приходов Олонецкого и Петрозаводского уездов, а для жителей других уездов – нет [Пулькин 2000: 279–280; Ефимова 2017: 133–135].

Следует подчеркнуть, в первой половине XIX в. предпринимались различные способы распространения Библии и организация ее переводов на языки национальностей, населявших Россию. Например, Библейское общество, созданное в 1812 г., активно занималось этой работой [Пыпин 1916]. В 1832–1839 гг. синодальной типографией издавались «Начатки христианского православного учения» на чувашском (Казань, 1832), алеутско-лисьевском (СПб., 1834), финском (СПб., 1836), черемисском (Казань, 1839) языках, автором этого издания на русском языке являлся Филарет, митрополит Московский и Коломенский, профессор

Петербургской Духовной академии, член Святейшего Синода по созданию руководств для преподавания Закона Божьего. В Архангельской епархии архимандрит Вениамин Смирнов занимался переводами священных книг на язык ненцев (самоедов) [Вениамин 1851]. Данные издания отмечались в реестрах многих российских семинарских библиотек того времени.

В 1833 г. в Санкт-Петербурге для финских карелов была издана «Российско-финская азбука», где имелись и переводы основных молитв с церковно-славянского языка на финский. В 1836 г. при Императорской Академии наук была издана на финском языке книга «Начатки христианского учения» с переводами краткой Священной истории и краткого катехизиса [Мусаев 2014: 150].

В 1840–1850-е гг. вышли в свет грамматики и словари для преподавания зырянского языка П. И. Савваитова [Савваитов 1844, 1849], эстонского – А. В. Гупеля [Гупель 1847, 1848], латышского – Розенберга и Гессельберга [Розенберг, Гессельберг 1848]. Преподаватель Петербургской духовной семинарии Д. Успенский в 1845 г. перевел на финский язык катехизис митрополита Филарета (Дроздова), в 1848 и 1851 гг. были изданы учебные пособия по преподаванию финского языка Воллина и Г. Окулова [Воллин 1848, 1851; Окулов 1851].

Однако вопрос о создании печатных учебных пособий для преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии оставался нерешенным. В 1830 г. учителем В. В. Ильинским были составлены рукописные азбука, грамматика и лексикон карельского языка [РГИА 3: 18]. «За неимением печатных руководств использовались грамматические записки и русско-карельский словарь, составленные учителем В. В. Ильинским», – отмечалось в семинарском отчете за 1852/53 учебный год [РГИА 6: 20]. Примечательно, что эти учебные пособия долгое время употреблялись в семинарии только в рукописях. При этом последующими учителями карельского языка они постоянно исправлялись и дополнялись, а печатных изданий так и не появилось.

Судя по отчетам учителей карельского языка, семинаристы, обучавшиеся карельскому языку, не занимались переводами сочинений с местного языка на русский язык. Практические упражнения учащихся состояли только в переводах со славянского и русского языка на карельский посланий Святых Апостолов – Иакова, Петра, Иоанна и Иуды, а также Символа Веры, молитвы Господней, 10 заповедей, молитв утренних и вечерних и других, помещенных в кратком молитвослове. Как писал ректор Олонецкой семинарии Феофан (Говоров) в 1855 г. в одном из писем

к Олонецкому преосвященному Аркадию (Федорову), «по карельскому языку есть несколько учеников, знающих карельский язык. Под руководством учителя они будут переводить начатки христианского учения митрополита Филарета. Думаю, что это может пригодиться. По экземпляру переводов будет находиться в нашей библиотеке» [Переписка 1894: 73].

В 1860-х гг. вновь вернулись к вопросу о создании учебных пособий для преподавания карельского языка. В 1862 г. по просьбе новгородского протоиерея В. М. Гиляровского Комитет грамотности занялся составлением карельской азбуки русскими буквами. Председатель Комитета Е. И. Тиханов, «зная с детства карельский язык и будучи знаком с нравственным бытом карел, посвятил свой досуг карельской грамоте». Им была составлена азбука на русском языке, переводы заповедей, молитвы Господней, священной истории и других сочинений. При его содействии в Императорской публичной библиотеке была составлена этнографическая карта карельского населения [Успехи 1864].

В декабре 1863 г. Комитет грамотности сообщил преосвященному Аркадию (Федорову), что со временем появятся и другие учебники для карелов, но предварительно необходимо знать, «какие существуют различия между наречиями карелов Тверских, Новгородских и Олонецких» [НА РК 1: 2об.]. Комитет грамотности, в частности, просил преподавателя карельского языка в Олонецкой семинарии (в то время Г. Р. Модестова) составить русскими буквами на местном карельском наречии Символы Веры, Заповеди и некоторые молитвы. Но ответа из Олонецкой епархии на эту просьбу не последовало. «Карело-русский молитвенник для православных карелов» Е. И. Тиханова был издан в 1870 г. для бесплатной раздачи по деревням, где есть православные карелы [Тиханов 1870]. Это учебное пособие, по рецензии Г. Р. Модестова, также было «составлено неудачно, так как при переводе принят был не чисто карельский язык, а смесь с финским, почему здешним карелам он не вполне понятен» [Миропольский 1875: 62].

Еще одной немаловажной проблемой преподавания карельского языка являлся недостаток специальных терминов на карельском языке. Об этом постоянно указывал в своих отчетах преподаватель В. В. Ильинский. Он, в частности, в своем отчете за 1852/53 учебный год писал, что при переводе и составлении сочинений и проповедей, где необходимо было использовать религиозную лексику, учащиеся часто использовали русские слова. «От этого язык делался карело-русским и выговор карельский был не вполне удовлетворителен, но не препятствующий переводу и составлению сочинений» [РГИА 6: 20].

Все это влияло на снижение численности изучающих карельский язык. Судя по данным семинарских отчетов с 1853 по 1872 г., численность обучающихся карельскому языку была незначительна и имела тенденцию к снижению (см. табл.).

Динамика изучения карельского языка в Олонецкой духовной семинарии с 1853 по 1872 г.¹

Учебный год	Общее число воспитанников семинарии	Количество семинаристов, изучающих карельский язык / %	Количество семинаристов, изучающих карельский язык по отделениям		
			Нижнее отделение	Среднее отделение	Высшее отделение
1829/30	75	16 / 21 %	4	4	8
1855/56	89	19 / 21 %	7	10	2
1860/61	130	23 / 17 %	10	9	4
1867/68	125	20 / 16 %	11	5	4
1868/69	125	15 / 12 %	9	2	4
1869/70	122	14 / 11 %	11	2	1
1871/72	143	12 / 11 %	9	2	1

Данные таблицы показывают, что в 1829/30 учебном году в Олонецкой духовной семинарии из 75 воспитанников 16 (21%) изучали карельский язык. Такое процентное соотношение сохранялось до 1856 г. Далее наблюдается постепенное снижение доли обучающихся: в 1867/68 учебном году – 17%, в 1871/72 – 11%. Важно отметить и сокращение количества изучающих карельский язык в старшем отделении. Если в низшем отделении численность желающих семинаристов была значительной, то в высших отделениях шло резкое ее снижение. Это особенно проявлялось в 1860–1870-е гг. Так, в 1869/70 учебном году изучали карельский язык 11 семинаристов низшего отделения и только 1 – из высшего отделения.

Для повышения численности учащихся, изучающих карельский язык, постепенно стали привлекать воспитанников, им не владеющих. С такими учениками «занятия состояли в практическом изучении, за неимением грамматики языка, склонения, спряжения и сочетания слов в предложении и чтобы обогатить их знание слов карельского языка, не имеющего лексикона, даваемы были лектором составленные краткие фразы со всевозможным разнообразием слов и их сочетаний» [РГИА 10: 17].

Проблема улучшения качества преподавания карельского языка, повышение численности обучающихся в Олонецкой духовной семинарии

¹ Таблица составлена по: [НА РК 2: 19–19об.; РГИА 8: 5; РГИА 9: 7, 78а; РГИА 10: 110об.; РГИА 11: 74; Миропольский 1875: 62].

стали предметами обсуждения членов Святейшего Синода в декабре 1858 г. На одном из заседаний Синода выступил с докладом преосвященный Олонецкой епархии Аркадий (Федоров). Он представил картину продолжающегося распространения раскола на подведомственной ему территории: «Выгорецкие скиты, населенные раскольниками, имеют на народ большое влияние и находятся у них в большом уважении. Раскольники открывают незаконные школы. Есть приходы, где многие прихожане вовсе не знают русского языка» [РГИА 7: 2–2об.].

Для организации борьбы со старообрядчеством в Олонецкой епархии Синод принял решение: 1) в приходы, населенные карельским и чудским населением, определять священно- и церковнослужителей, «преимущественно знающих эти языки»; 2) увеличить численность обучающихся карельскому языку и вменить в обязанность начальству Олонецкой семинарии, чтобы «изучение карельского языка в семинарии было усилено» [Там же: 2–2об.]. Правление Санкт-Петербургской духовной академии, в свою очередь, разработало инструкцию по преподаванию карельского языка для Олонецкой духовной семинарии. В ней, в частности, говорилось:

«а) При преподавании грамматики оного [карельского языка. – *Е. К.*] ... обращать внимание не только на этимологические видоизменения сего языка, но и где возможно и нужно на этимологическую разность и сходство, существующее между языком карельским и чудским. При переводах же с русского или славянского языка на карельский язык обращать внимание, где такое возможно и нужно, и на особенность выражений, свойственных тому или другому языку ... требуя от учеников строгого отчета в знании правил грамматических.

б) Выбирать статьи для переводов как устных, так и письменных, предлагать такие, в которых излагаются предметы христианской веры и нравственности, по изложению своему особенно ясны и удобопонятны. Символы веры, десятисловие, молитвы господни, краткие поучения, краткая Священная история, Ветхий и Новый заветы, краткая история русской церкви, в особенности появившийся в ней раскол, его истинное состояние, обзор и опровержение главных раскольничьих заблуждений...» [Там же: боб.-7].

Правление Духовной академии в качестве методической рекомендации предложило учителям карельского языка требовать от воспитанников, хорошо владеющих языком, ежемесячно представлять один-два письменных перевода небольших статей на карельский язык, а «малосведующим или начинающим представлять... письменные опыты этимологических упражнений по назначению лектора». При этом все переводы

и грамматические упражнения должны быть тщательно рассмотрены и оценены лектором, а «по окончании месяца представлены ректору семинарии с приложением именной ведомости к прилежанию и успехам каждого ученика в знании карельского языка» [Там же: 7].

Однако, несмотря на принятые меры, проблемы преподавания карельского языка сохранялись, а количество желающих его изучать по-прежнему сокращалось.

Класс карельского языка при Олонецкой духовной семинарии был закрыт в 1872 г. Епархиальный съезд, в обязанности которого по Уставу Духовных семинарий 1867 г. (§ 129) входило изыскание средств для вознаграждения наставника за труды по преподаванию местного языка, отнесся к делу равнодушно и не нашел для этого финансовых средств. Как отметил С. И. Миропольский в отчете по ревизии за 1872 г., «по мнению духовенства, в особом преподавании карельского языка не видится нужды, так как изучают его только те, кто знал его прежде, а практическое знание этого языка для целей проповедничества весьма достаточно» [Миропольский 1875: 64].

Мнение члена Учебного комитета при Святейшем Синоде С. И. Миропольского по вопросу преподавания карельского языка в Олонецкой духовной семинарии достаточно противоречиво. С одной стороны, он утверждал, что карельский язык «важен для миссионерства, важен для просветительных целей в Олонецком крае и потому преподавание его следовало бы поддержать». С другой стороны, продолжая полемику Игнатия (Семенова) и следуя общепринятой в то время точке зрения по отношению к карельскому языку, он, в частности, отметил, что «карельский язык не имеет ни письменности, ни исторического прошедшего, никаких задатков для будущего, это вымирающий язык, который естественно должен уступить место русскому... осужденный силой истории на уничтожение, без письменности и задатков на развитие, он должен исчезнуть и было бы неразумно и бесцельно поддерживать его искусственно, это и теперь уже язык прошлого... Сами карелы вовсе не стоят за свой язык... они весьма рады, что в школах им дают русскую грамоту, которая, при постоянно усиливающемся наплыве русских лесопромышленников в Олонецкий край, делается все более и более необходимою для туземцев» [Миропольский 1875: 62–63].

Важно отметить, что в конце XIX – начале XX в. тенденция прекращения преподавания местных языков в российских духовных семинариях была характерным явлением. По данным А. В. Сушко, с 1861 по 1884 г. число семинаристов, изучающих местные языки, а также количество

семинарий и изучаемых местных языков постепенно уменьшалось [Сушко 2010] (см. табл.). Так, в Архангельской семинарии по инициативе епископа Архангельского и Холмогорского Нафанаила в 1869 г. было введено обучение зырянскому и карельскому языкам. Однако из-за отсутствия учащихся прекратилось преподавание карельского (с 1880 г.) и зырянского (с 1883 г.) языков [Санакина 2008: 289–290].

*Динамика изучения местных языков в духовных семинариях России
с 1861 по 1884 г.*

Год	Общее количество семинаристов, изучающих местные языки	Число преподаваемых местных языков	Число семинарий, где преподавались местные языки
1861	1087 (100%)	14	20
1871	645 (59,3%)	11	16
1876	252 (23,2%)	10	10
1884	135 (12,4%)	5	4

При выявлении причин такого положения дел не следует забывать, что в Уставах духовных семинарий 1814 и 1867 гг. преподавание местных языков относилось к разряду необязательных предметов, вводимых по местным потребностям. Уставы оговаривали обучение семинаристов классическим языкам: латинскому и греческому, а также новым: французскому, немецкому и еврейскому языкам. При этом необязательные предметы в общее учебное расписание не входили, а проводились в послеобеденное время по четвергам и субботам. В таких условиях обучение местным языкам становилось дополнительной нагрузкой для учащихся, и хотя они освобождались от изучения классических языков, желающих изучать местный язык не прибавлялось, а, наоборот, уменьшалось.

В 1880-е гг. в учебных программах российских духовно-учебных заведений увеличили число уроков по русскому языку [РГИА 13: 3–5]. Это также повлияло на снижение заинтересованности изучения местных языков.

Немаловажную роль играло и низкое жалование преподавателей местных языков, а также способы его оплаты. Так, с 1829 по 1857 г. жалование преподавателя карельского языка в Олонецкой духовной семинарии составляло всего 100 руб. в год. В 1858 г. по ходатайству внешнего управления Санкт-Петербургской духовной академии в Учебный комитет при Святейшем Синоде для поощрения трудов оно было повышено (и уравнено с жалованием преподавателей классических и новых языков «равно и в видах справедливого воздаяния») до 143 руб. в год. В дореформенное

время оплата труда учителя карельского языка производилось за счет самой семинарии. С 1867 г. жалование выплачивалось из епархиальных средств. В условиях жесткой экономии школьного бюджета деньги на преподавание местных языков общепархиальный съезд духовенства чаще всего не выделял, считая это прерогативой Святейшего Синода. Но и последний отклонял ходатайства семинарий о выделении или повышении труда учителей местных языков. Например, в 1871 г. Учебный комитет при Синоде не удовлетворил ходатайство Вологодской духовной семинарии о повышении оклада учителю зырянского языка до 150 руб. в год [РГИА 12: 202].

Интересно, что даже при отсутствии качественных печатных учебных пособий, при мизерном жаловании преподавателей ревизоры всегда отмечали успехи олонечких семинаристов в изучении карельского языка. Особенно успешен был В. В. Ильинский, который преподавал карельский язык в Олонечкой семинарии с 1830 по 1856 г. (26 лет!), и в течение этого времени контингент учащихся сохранялся. Он характеризовался как «отменно усердный» учитель, а его ученики демонстрировали хорошие знания карельского языка. Так, в отчете о ревизии 1833 г. отмечалось, что у многих воспитанников «в карельском, как в туземном – отлично», в отчете о ревизии 1839 г. – «карельский язык в весьма удовлетворительном состоянии как природный здешний и как вводимый в общие грамматические формы» [РГИА 3: 8об.; РГИА 5: 5–6]. После его смерти в течение 1856/57 учебного года обучение карельского языка в Олонечкой семинарии не проводилось.

В 1857 г. дело В. В. Ильинского продолжил Г. Р. Модестов. О нем писал в своем отчете о ревизии 1872 г. С. И. Миропольский: «занимается усердно... и сам всегда в отношении уроков исправен, а местные знатоки карельского языка из городского духовенства дали мне благоприятный отзыв о знаниях преподавателя... Учитель весьма свободно изъясняется на карельском языке, и ученики живо и не стесняясь, бегло говорят на нем и свободно переводят мелкие статьи с русского на карельский» [Миропольский 1875: 62].

Таким образом, обучение карельскому языку в Олонечкой духовной семинарии проводилось с 1829 по 1872 г. и, согласимся с мнением М. В. Пулькина, являлось «спецификой этого учебного заведения и одним из наиболее значимых этапов в повышении роли местного „наречия“ в культурной жизни края» [Пулькин 2003: 93]. Но проблемы, связанные с организацией обучения, отсутствием печатных учебных пособий, не позволили продолжить его преподавание в дальнейшем.

В начале XX в. вернулись к вопросу о возобновлении преподавания карельского языка в Олонечкой духовной семинарии. Эту идею

в 1907 г. инициировал олонекский губернатор Протасьев в целях противостояния «панфиннизму». План губернатора весной 1908 г. был одобрен П. А. Столыпиным и направлен министру народного просвещения и обер-прокурору Синода [Пулькин 2003: 98; Витухновская 2006: 217]. Однако этот вопрос так и остался открытым. Изучение карельского языка в Олонекской духовной семинарии введено не было.

Источники

- НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 15/66.
НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 20. Д. 78/906.
РГИА 1 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1049.
РГИА 2 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 5214.
РГИА 3 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 7322.
РГИА 4 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9814.
РГИА 5 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 2. Д. 230.
РГИА 6 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 6. Д. 16342.
РГИА 7 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 6. Д. 16922.
РГИА 8 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 7. Д. 19612.
РГИА 9 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 8. Д. 25248.
РГИА 10 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 43.
РГИА 11 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 51.
РГИА 12 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 27.
РГИА 13 – Российский государственный исторический архив. Ф. 802. Оп. 9. Д. 54.

Литература

Вениамин. Об обращении в христианство мезенских самоедов в 1825–1830 годах: Записки Вениамина. СПб., 1851.

Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб.: Норма, 2006.

- Воллин.* Финско-русский словарь. СПб., 1848.
- Воллин.* Русско-финский словарь. СПб., 1851.
- Гупель А. В.* Эстская грамматика. Рига, 1847.
- Гупель А. В.* Эстско-немецкий и Немецко-эстский словарь. Рига, 1848.
- Ефимова В. В.* Этноконфессиональные проблемы в деятельности генерал-губернаторов Европейского Севера России. Петрозаводск: ПетрГУ, 2017.
- Миропольский С. И.* Преобразование духовно-учебных заведений Олонецкой епархии в 1872 г. СПб., 1875.
- Мусаев В. И.* Языковой вопрос в Финляндской православной епархии в конце XIX – начале XX века // Скандинавские чтения – 2014. С. 148–162. Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-307-1/
- Окулов Г.* Финская грамматика. СПб., 1851.
- Пашков А. М.* Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 38–55.
- Перетиска* между преосвященными Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким // Христианское чтение. 1894. № 7–8. С. 69–107.
- Пулькин М. В.* Межэтническое взаимодействие в православных приходах Олонецкой епархии: пути и формы преодоления языкового барьера (XVIII – начало XX в.) // Нестор. 2000. № 1. С. 279–280.
- Пулькин М. В.* Карельский язык в Олонецкой духовной семинарии // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 91–98.
- Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I. СПб., 1916.
- Розенберг, Гессельберг.* Латышская грамматика. Рига, 1848.
- Савваитов П. И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1844.
- Савваитов П. И.* Зырянско-русский и русско-зырянский словарь. СПб., 1849.
- Санакина Т. А.* Из истории подготовки священнослужителей для Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии в XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 3-й региональной науч. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 289–290.
- Сушко А. В.* Духовные семинарии в пореформенной России. СПб.: СПб ГМА, 2010.
- Тиханов Е. И.* Карело-русский молитвенник для православных карелов. СПб., 1870.
- Успехи* народного обучения в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1864. № 17.
- Чернякова И. А.* Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 61–74.
- Сведения об авторе.** Доктор исторических наук, профессор Института физической культуры, спорта и туризма, ПетрГУ.